

Он бежал, не переставая бросать украдкой взгляды на бледное, тонкое лицо Ди Ло.

Длинные ресницы.

Пронеслось у него в голове.

Такое крохотное личико.

Неудивительно, что парни из других барачков так любят судачить о нем за спиной.

И правда, красив — как девица, изящный, с такой утонченной статью.

Ди Ло, насупившись, спросила:

— Из-за чего это все вообще?

Цянь У вздохнул. А из-за чего еще? Мужики в свободное время вместо отдыха только и делают, что высматривают ее, а не найдя, начинают скабрёзно шутить с остальными в бараке. Да так пошло, что у него самого язык не повернется повторить.

Сам не зная почему, Цянь У сначала очень хотел выложить Ди Ло все гадости, что наговорили те люди, но, взглянув на ее нежное личико, вдруг передумал. Не хотелось пачкать ее уши такой грязью.

Как они могут не понимать? Пусть Ди Ло и слабее всех остальных, но она старается так, что даже он сам порой чувствует себя неловко.

Если бы не Ди Ло, ставшая для них эталоном, они бы, наверное, уже через пару дней опустили руки.

И надо же было им заявить, что она пробилась сюда через «черный ход».

Тьфу, до чего же мерзко.

От этих мыслей Цянь У закипал от ярости. Он схватил Ди Ло за руку, вдруг замер, а затем произвел:

— Не бери в голову то, что болтают эти старые развратники. У них совсем совести нет, я даже повторять не стану. Не слушай их, просто иди и делай свое дело.

Ди Ло лишь отозвалась «угу», даже не заметив, что Цянь У до сих пор держит ее за руку, увлекая за собой на плац.

А вот сам Цянь У невольно сглотнул, осторожно погладив пальцем ее ладонь. Про себя он отметил: кожа такая нежная, мягкая, хоть на ладонях и есть мозоли от тренировок.

Протиснувшись сквозь толпу на плацу, они увидели Чжао Шисаня. Тот, уперев руки в бока, с негодованием препирался с группой нечистых на язык мужчин.

Между ними словно пролегла невидимая граница, которую никто не решался пересечь. Прямо

как бабы на базаре.

Чжао Шисань кричал:

— Вы сами-то понимаете, что несете? Что за бред?

К удивлению Ди Ло, Жун Чаншэн, стоявший рядом, выглядел по-настоящему разъяренным. Его глаза налились кровью, и если бы не Кун Синшэн, Кун Синли и Ма Хоу, удерживавшие его, он бы давно бросился в драку. Лицо его, искаженное гневом, с подергивающимися желваками, выглядело пугающе, но Ди Ло отчего-то стало тепло на душе.

Пусть он вечно смотрел на нее с каким-то сложным выражением, но когда доходило до дела, он действительно стоял за них горой.

Ди Ло, только появившись, сразу услышала, как один из мужчин издевательски протянул:

— О-о, а вот и виновник торжества! Ну же, расскажи нам, каково это — пробиваться через черный ход? Должно быть, история захватывающая?!

Черный ход? Какой еще черный ход?

— Что?

Ди Ло моргнула и посмотрела на Чжао Шисаня. Она ничего не понимала. В последнее время она только и делала, что тренировалась, у нее не было времени заводить знакомства. Кроме ребят из своего барака, она никого не знала.

А уж о подобных мужских интрижках она и вовсе не имела понятия. Даже когда ее обвинили в «нетрадиционной ориентации», она лишь нахмурилась — оскорбление просто не достигло цели.

Раз уж она здесь женщина, то для нее эти мужские разборки были чем-то далеким.

Развлечение — унижить ее?

Ее кожа после прихода в лагерь стала толще самой земли.

Так что — пустяки.

Она лишь равнодушно скользнула по мужчине взглядом и тихо спросила:

— Чжао Шисань, что происходит? Что случилось?

— Что случилось? А что тут может случиться? — Чжао Шисань сердито зыркнул на нее. Даже если ей плевать на оскорбления, нужно хотя бы делать вид, иначе эти хамы сядут на шею.

В армии полно таких наглецов — дай им волю, они на голову залезут.

Чжао Шисань закатал рукава, скрежеща зубами от ярости. Его обычно спокойное лицо пылало гневом.

— Ли Аньшань, ты, мать твою, можешь говорить как человек? Какой еще черный ход? Может, это ты так пробился и думаешь, что все такие же, как ты?

Мужчина по имени Ли Аньшань тоже взвился. Сначала он просто шутил, но в пылу спора с Чжао Шисанем ситуация вышла из-под контроля.

— Чжао Шисань, Ди еще слова не сказал, а ты чего так разоряешься? Что, нравится он тебе? Или вы с ним... того?

Чжао Шисань:

— Я твою мать...

Не успел он закончить, как черная тень метнулась вперед. Окружающие ахнули, а Жун Чаншэн, только вырвавшись из рук товарищей, взревел:

— Хватит глазеть, растаскивайте их!

Ди Ло с разбегу врезалась в грудь Ли Аньшаня, повалив того на землю. Она тут же оказалась сверху, прижала его коленом и, не раздумывая, вцепилась тонкими пальцами ему в горло.

Ли Аньшань не ожидал такой прыти от этого хрупкого на вид юноши. Как только пальцы сомкнулись на шее, его охватил приступ удушья. Он замахал руками, пытаясь сбросить Ди Ло, но та словно приросла к нему. Хватка становилась все крепче, глаза Ли Аньшаня налились кровью, воздуха не хватало.

Тренировки не прошли даром — Ли Аньшань всерьез испугался, что его сейчас задушат.

Ди Ло холодно смотрела на его багровое лицо и ледяным тоном произнесла:

— Хотите запугать меня? Что ж, я вынуждена ответить, иначе вы не поймете, когда пора остановиться. И еще: следите за языком. У брата Шисаня есть жена, а если еще раз услышу подобное — сверну шею.

За долгие дни тренировок Ди Ло заметно окрепла. Но пока она сидела на Ли Аньшане, перед глазами словно пронеслись тени прошлого.

Крики, лязг стали — от этого у нее защипало в глазах.

Это был первый раз, когда она применила силу. Если бы тогда, в день трагедии семьи, она была такой же решительной, может, она смогла бы спасти брата? А не прятаться в углу, наблюдая сквозь щель, как ему ломают шею...

Когда Ди Ло оттащили от Ли Аньшаня, тот начал судорожно кашлять. Окружающие смотрели на нее уже совсем иначе.

Кто-то пробормотал:

— Пошутить нельзя...

Чжао Шисань взорвался:

— Пошутить, значит? А ну иди сюда, кто это сказал? Пошутим! Твари безмозглые!

Жун Чаншэн нахмурился, потянул Ди Ло за собой и пригрозил остальным:

— Еще раз услышу подобные сплетни про наш барак — выбью зубы!

Вдруг кто-то крикнул:

— Генерал Цинь идет!

Все замерли. Вдалеке показался генерал Чжэньбэй Цинь Цзыши. Он указывал на них пальцем и быстрым шагом приближался:

— Совсем стыд потеряли? Не запомнили, как пару дней назад палки получили? Всем зачинщикам — по двадцать ударов!

Чжао Шисань выругался:

— Ли Аньшань, щенок, я тебе это припомню!

Ли Аньшань:

— ...Кхе-кхе...

Пару дней назад Ди Ло казалось, что смотреть на экзекуцию невыносимо, но сегодня, когда под пристальными взглядами тысяч людей палки опускались на нее саму, ей хотелось провалиться сквозь землю от стыда.

Но как же это больно! Палки были из цельного дерева.

В глазах плыли искры, а задница горела так, что она едва сдерживала слезы. Чжао Шисань орал на весь лагерь, проклиная Ли Аньшаня и жалуясь на боль, так что Цинь Цзыши был готов добавить ему еще.

Когда все закончилось, Ди Ло лежала на скамье, не в силах пошевелиться.

Но Цинь Цзыши, раздраженный шумом Чжао Шисаня, решил, что этого мало.

Чжао Шисань:

— ...Я виноват, простите!

Цинь Цзыши:

— Нет.

На закате Ли Аньшань, красный как рак, стоял перед Ди Ло, держа в руках тяжелую каменную гирию. Ди Ло вяло считала.

Эта гирия использовалась для тренировки силы рук.

В конце концов, на войне нужно быть сильным. Когда ты идешь в бой, враг не будет стоять столбом, позволяя себя зарубить. Побеждает тот, у кого больше сил.

Чжао Шисань, которому Ли Аньшань был противен до глубины души, прошептал:

— Ди Ло, иди сюда, не считай ему, давай я буду.

Ди Ло:

— Не хочу двигаться, задница болит.

При упоминании боли в заднице Чжао Шисань поморщился — у него тоже болело. Но желание насолить врагу было сильнее. Он подмигнул ей:

— Считай медленнее, пусть подольше подержит. Слушай брата, не ошибешься.

Ди Ло равнодушно посмотрела на него:

— Хочу домой, задница болит.

Чжао Шисань разозлился:

— Ты что, дурак? Такой шанс пропадает!

Ди Ло:

— ...Чего ты там бормочешь? Не понимаю.

Ли Аньшань не выдержал:

— Чего вы там шушукаетесь? Будто Ди не гирию держит!

Ди Ло вздохнула. Хоть она и окрепла, но не настолько, чтобы держать эту тяжесть всю ночь.

Чжао Шисань вдруг вскрикнул:

— Ой...

Ди Ло:

— Что такое?

Чжао Шисань:

— Задницу свело.

Жун Чаншэн:

— Вы можете нормально считать? У меня тоже болит...

Ли Аньшань:

— ...

Ди Ло чувствовала себя сверхчеловеком. Раньше она слышала от служанок, что тот, кто после двадцати ударов палками может ходить, достоин уважения.

Теперь она сама получила эти двадцать ударов, но стоит прямо. Значит, она теперь «предок»?

Только вот больно — не передать словами.

Ди Ло с ненавистью поднимала гирю, стараясь ни о чем не думать. Иначе, глядя на Ли Аньшаня, она снова заплачет.

Уже стемнело, Чжао Шисань давно ушел, а она все еще здесь.

Ли Аньшань проворчал:

— Ди, ты специально, да?

Ди Ло зыркнула на него. Думаешь, мне это нравится?

Ли Аньшань продолжал:

— Я извиняюсь, ладно? Прости за сегодняшние слова. Я больше не могу, давай быстрее!

Ди Ло, покраснев от натуги, процедила сквозь зубы:

— ...Замолчи, собьешься — вообще не подниму.

Ли Аньшань:

— А-а-а! Я был слеп, когда решил тебя задеть!

Цинь Цзыши неспешно подошел к ним:

— Воевать-то собираетесь?

Ли Аньшань тут же заискивающе заговорил:

— Генерал, я виноват, это мой язык без костей...

Он украдкой взглянул на упрямую Ди Ло и добавил:

— Генерал, пощадите, это только моя вина, Ди тут ни при чем.

Ди Ло от неожиданности уронила гирю.

Цинь Цзыши хмыкнул:

— Язык без костей? В следующий раз сам себе сто пощечин отвесишь. Ладно, хватит, у тебя руки как прутьики, на сегодня довольно. В следующий раз — вдвойне!

Он похлопал Ди Ло по плечу и ушел.

Как только он скрылся, Ди Ло рухнула на землю. Ли Аньшань пнул ее ногой:

— Вставай, ушли уже.

Ди Ло слабо огрызнулась:

— Отвали.

Ли Аньшань, придерживая поясницу, сказал:

— Ладно, считай, что мы в расчете. Не пойдешь — опоздаешь к отбою, еще палок получишь.

Ди Ло снова прошипела:

— Отвали.

Ли Аньшань решил не спорить:

— Как хочешь, я пошел.

Ди Ло еще немного полежала, затем с трудом поднялась и побрела в барак, украдкой вытирая слезы.

Больно. Как же больно.

Раньше, если она колола палец иголкой, то плакала полдня, а сейчас...

Стоило ей вспомнить прошлое, как ненависть захлестывала ее. Она вытерла слезы и, стиснув зубы, заставила себя идти ровно.

Все страдания, что она терпит сейчас, она вернет тому, кто погубил ее семью, в тысячекратном размере.

— Ди Ло, ты в порядке?

Цянь У с тревогой встретил ее.

— Болит? Давай помажу?

Ди Ло молча покачала головой и упала на постель.

Чжао Шисань принес ей еды:

— Поешь хоть немного, я специально приберег.

Ди Ло укрылась одеялом с головой:

— Не хочу. Сами съешьте.

Жун Чаншэн остановил Чжао Шисаня:

— Оставь, пусть поспит.

Он видел в Ди Ло что-то, что выдавало в ней выходца из богатой семьи. Наверное, в ее доме тоже случилась беда.

В бараке наступила тишина. Ди Ло уснула, даже не умывшись. Чжао Шисань жестом подозвал Цянь У:

— Давай, пока спит, помажь ей там.

Цянь У, взяв мазь, осторожно подобрался к ней. Почему-то это задание вызвало у него странное волнение.

Он протянул руку, чтобы приподнять одеяло, но Ди Ло внезапно высунула голову и спросила:

— Что делаешь?!

<http://bllate.org/book/20963/2127242>